

Система институтов развития в ДФО: концепции, реализация, перспективы

Институты¹ развития (ИР), созданные в последние годы в ДФО, уже неоднократно становились предметом научного анализа и обсуждения [6; 19; 22], получая, как правило, достаточно критические и даже пессимистические оценки, объективность которых, впрочем, порой снижается сосредоточенностью исследователей на текущем состоянии этих институтов. В данной работе система ИР в ДФО будет рассмотрена в широкой сравнительной перспективе, что, как представляется автору, позволит определить и оценить это явление более взвешенно.

Институты развития в концептуальном и историческом контексте

Современные ИР, то или иное количество которых можно обнаружить в большинстве стран мира², чрезвычайно разнообразны. Это разнообразие оказывается особенно большим, если сосредоточиться на организационно-правовых формах этих институтов [17, с. 41–62]. Однако для данного исследования более значимо деление ИР по их концептуальным основаниям, которые определяют принципы формирования и управления этих институтов, важнейшие цели и методы их работы. Концептуальная дифференциация ИР происходила в тесной связи с историческими метаморфозами капиталистического общества и рынка, как его стихийного регулятора, и поэтому лучше всего может быть представлена в хронологическом разрезе, с помощью периодизации. В своей периодизации автор основывается на исторической концепции классического марксизма, дополняя её идеями динамики мировой системы, сформулированными в неомарксистском общественном знании.

Раннекапиталистический период (XVI – вторая треть XIX вв.). Этот период был временем территориальной экспансии капиталистических отношений, складывания мировой капиталистической системы и завоевания буржуазией политической власти в её ядре – странах Западной Европы и Северной Америки. Последовательная борьба с феодальными ограничениями привела к радикализации капитализма, его отождествлению со свободным, саморегулируемым рынком. Воздействие государственной власти на рыночную стихию в капиталистических странах было минимальным (оказиональным) и скорее антикризисным, чем собственно развивающим. Классический

¹ Под институтами в данной работе понимаются организации и правовые режимы, т.е. наборы формальных правил разного уровня общности. Я не разделяю характерную для многих современных институционалистов широкую трактовку институтов, включающую в них неформальные правила (культурные нормы). На мой взгляд, неформальные правила, не являющиеся (в силу их нецелерациональной природы и неосознаваемости для акторов) средством управления, следует понятийно отграничивать от формальных.

² По разным оценкам сегодня в мире насчитывается от 2 до 4 тыс. особых территориальных и отраслевых правовых режимов (экономических зон). Количество же конкретных организаций, которые могут быть отнесены к ИР, значительно превышает эти цифры.

либерализм и классическая политэкономия, отводившие государству роль "ночного сторожа", способствовали вытеснению государственной политики в сферу безопасности.

Период обострения противоречий капитализма и создания альтернативных общественных систем (последняя треть XIX – первая половина XX вв.). Данный период характеризовался ускоренным нарастанием внутренних противоречий капитализма, одним из главных проявлений которых стало размежевание капиталистических стран по уровню развития, сопровождавшееся обострением международной конкуренции, а затем и военно-политической борьбы. Определилась группа стран т.н. "второго эшелона" модернизации (Германия, Россия, Япония и др.), которые пытались догнать её лидеров, используя методы государственного управления капитализмом. Форсированное догоняющее развитие, ещё более обострявшее международные и внутренние (межклассовые) противоречия, в конечном счёте, привело к формированию в этой группе стран тоталитарных режимов. Правая и левая тоталитарные альтернативы капитализму базировались на в той или иной мере плановой, административно-командной экономике. Государственные органы (а также частно- и общественно-государственные организации) этого периода, осуществлявшие универсалистское плановое управление модернизацией "догоняющих" обществ, вполне могут рассматриваться в качестве разновидности ИР в их широком смысле.

Период поисков "среднего пути" между капитализмом и антикапиталистической альтернативой (с середины XX в.). Выявление и осознание серьёзных внутренних пороков, присущих "чистому рынку" и "чистому плану" как механизмам регуляции социально-экономической динамики, в этот период подвигло развитые, а затем и многие развивающиеся государства к поиску таких институциональных механизмов, которые позволяли бы поддерживать и подталкивать эту динамику, избегая обеих крайностей. Эти механизмы должны были, по существу, произвести конвергенцию западного капитализма и его главного антипода – советского социализма, совместить рынок и план, устранив их недостатки и синтезировав преимущества. По-видимому, основным вектором подобного поиска, имевшего множество национальных и региональных траекторий³, стал переход от универсализма (тотальности) в управлении общественным развитием к его селективности. Селективность в данном случае предполагала применение методов государственного планирования внутри в целом рыночно регулируемой системы⁴, их избирательное фокусирование на её отдельных территориальных, отраслевых или социально-групповых компонентах, признаваемых ключевыми с точки зрения задач общесистемного развития.

Таким образом, формирование ИР в нынешнем (узком) смысле этого термина началось относительно недавно, в третий период исторической эволюции капитализма. Исходя из предложенной периодизации, в узком смысле ИР можно определить как особые (отличные от общенационального) организационно-правовые режимы социально-экономической деятельности, устанавливаемые средствами государственной политики для отдельных компонентов рыночной (или плановой) общественной системы с целью ускорения (качественного изменения) их развития. ИР, в целом, как в узком, так и в широком смысле, выступают средством решения проблемы неравномерности социально-экономического развития (и неравенства как его результата). Проблема неравномерности (неравенства) может принимать множество конкретных форм. Различия в темпах и достигнутом уровне развития могут иметь международный или внутренний характер, касаться объектов разного масштаба, проявляться в отношениях территориальных, отраслевых и социальных единиц. Разнообразие форм и степеней неравномерности развития является объективной основой множественности концептуальных моделей ИР и их систем, сложившихся в третий период в различных регионах мира.

Из всех существующих моделей современных ИР для понимания их генезиса в ДФО наиболее важное значение имеют две – восточноазиатская

³ Он велся и в позднем СССР.

⁴ Или рыночных методов внутри плановой системы. Яркий пример – создание в 1990-е гг. СЭЗ в КНДР.

и англосаксонская⁵. Их этих двух моделей более ранним возникновением и большей близостью к полюсу "чистого плана" отличается восточноазиатская. Своими корнями эта модель уходит в политику "рационализации промышленности", проводившуюся правительством Японии в 1950-е гг. [12, с. 130–135; 23]. В дальнейшем она была усвоена "новыми индустриальными странами" первой и последующих волн и оказала значительное влияние на социально-экономическую политику Китая. Восточноазиатской модели ИР присущи следующие основные черты: 1) создание ИР путём "сверху", по решению правительства; 2) централизованное жёсткое государственно-монополистическое планирование работы ИР; 3) преимущественная направленность ИР на преодоление международного неравенства, на повышение общенациональной конкурентоспособности на внешнем рынке (экономический национализм); 4) преференцирование ИР в большей мере за счёт методов государственной помощи и защиты, чем дерегулирования и либерализации; 5) нацеленность ИР на товарный экспорт и привлечение иностранного капитала и технологий для модернизации ключевых отраслей промышленности.

Англосаксонская модель ИР начала разрабатываться параллельно с восточноазиатской, однако общественно-политическое признание получила лишь в 1970-е гг., что во многом стало реакцией на "японское экономическое чудо" и удар, нанесённый по длительному росту стран Запада нефтяным кризисом. В отличие от восточноазиатской модели, складывавшейся опытным, практико-управленческим путём и только позднее получившей научную систематизацию⁶, англосаксонская имела под собой мощный теоретический фундамент, состоявший, прежде всего, из неоклассической традиции и выросшей из неё неоинституциональной экономической и управленческой науки. Научная и идеологическая (неолиберальная) база этой модели была создана в Англии и США, откуда она распространилась в различных вариантах по всему англоязычному миру и вышла далеко за его пределы [13, с. 117–137; 16; 17]. К основным чертам англосаксонской модели ИР можно отнести: 1) создание ИР по инициативе "снизу", бизнесом и местными властями (правительство лишь обеспечивает для них инфраструктурные условия); 2) децентрализованное (координационное) и косвенное (монетарное) регулирование работы ИР; 3) преимущественная направленность ИР на преодоление внутренней неравномерности развития, на повышение конкурентоспособности периферийных территорий, депрессивных отраслей и маргинализованных групп населения; 4) преференцирование ИР в большей мере за счёт методов дерегулирования и либерализации; 5) нацеленность ИР на оптимизацию внутринационального распределения ресурсов, а также экспорт капитала и технологий и привлечение дешёвого труда и сырья.

Сделанный выше краткий исторический, концептуальный и типологический обзор позволяет сформулировать в отношении системы ИР в ДФО ряд вопросов. Каково происхождение дальневосточной системы ИР? В чем концептуальная сущность этой системы, и какое место она занимает среди различных моделей ИР? В какой мере реальное воплощение этой системы, её нынешние структура и функционирование отвечают специфическим условиям ДФО?

Генезис дальневосточной системы институтов развития

Рассмотрим сначала вопрос происхождения основных ИР, существующих сегодня в ДФО. Начало их созданию было положено ещё в середине 2000-х гг., когда после полуторадесятилетнего перерыва, потраченного на решение экстренных проблем выживания страны, российское руководство смогло вновь обратиться к задачам социально-экономического развития. В период с 2005 по 2011 гг. в России развернулось активное строительство национальной системы ИР ("национальной инновационной системы"), в составе которой выделяют обычно три организационных "этажа" [2, с. 6–7]. Верхний

⁵ Кроме них, можно выделить европейскую и латиноамериканскую модели, а также модель рыночного социализма. Но и ими этот перечень не исчерпывается, поскольку он связан с широким спектром вариантов позднего капитализма [20].

⁶ Например, в теории экономического роста К. Акамацу [18, с. 48–52].

и первый по времени формирования "этаж" был образован более чем двумя десятками ИР, учреждённых федеральными властями (Инвестиционный фонд РФ, Российский банк развития, Российская венчурная компания, Российский фонд прямых инвестиций, Российский экспортный центр, Агентство стратегических инициатив и др.). Средний "этаж" данной системы составили региональные филиалы (отделения) федеральных ИР. Созданный отчасти под воздействием первых двух, отчасти ранее и независимо от них, нижний "этаж" системы включил в себя собственно региональные ИР. К концу данного периода их насчитывалось свыше 200 [7; 15].

В создании национальной инновационной системы российское правительство ориентировалось, прежде всего, на опыт и законодательство США и ЕС. В качестве средства научного обоснования строения этой системы её разработчики апеллировали в основном к т.н. кластерной концепции американских исследователей М. Портера и М. Энрайта и теории "полюсов роста" ряда французских учёных во главе с Ф. Перру [1, с. 5–30; 4, с. 54–70; 13, с. 107–137]. Таким образом, с точки зрения концептуальных основ, отечественная модель ИР изначально имела смешанный, если не эклектичный, характер. И всё же на данном этапе явно преобладали черты, сближавшие её с англосаксонской моделью. Хотя процесс строительства российской системы ИР был начат федеральной властью, большая часть элементов её нижнего этажа возникла по инициативе "снизу"⁷, в соответствии с решениями региональных и местных администраций, а также заинтересованных компаний. Российская система ИР 2005–2011 гг. отличалась выраженной децентрализованностью, и, в отсутствие целостного корпуса нормативных актов, регулировалась в основном косвенными, монетарными методами. Для неё была характерна ориентация на преодоление скорее внутренних (территориальных и отраслевых) дисбалансов в развитии, хотя тесно связанная в те годы с внедрением ИР либеральная концепция "конкурентного федерализма" способствовала скорее обратному эффекту.

В 2005–2011 гг. строительство федеральных ИР было ограничено главным образом европейской частью России. Лишь в отдельных случаях (СЭЗ в Магаданской области и Хабаровском крае) решения об их создании затрагивали территорию ДФО. В эти годы политика развития дальневосточного макрорегиона осуществлялась в формате федеральных программ, финансировавшихся в основном за счёт бюджетных инвестиций и, по сути, бывших наследницами целевых программ советского времени. Создававшиеся в ДФО региональные ИР, при относительной многочисленности, были маломощны, а то и номинальны.

С 2011 г. в политике правительства на РДВ обозначился новый курс. Сокращение под действием экономического кризиса бюджетных доходов и секвестирование программы развития Дальнего Востока и Забайкалья заставило Москву задуматься над возможностью замещения недостающих макрорегиону федеральных средств частными вложениями. В качестве инструмента привлечения частного капитала вполне предсказуемо были избраны уже апробированные на западе страны ИР. В 2011 г. правительством был создан Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона (ФРДВ), задачей которого являлось государственное финансирование на льготных условиях инвестиционных проектов на территории ДФО. Одновременно с этим федеральные власти рекомендовали регионам, входящим в ДФО, приступить к созданию агентств по работе с иностранными инвесторами [9, с. 195].

В 2012 г. российское правительство сделало следующий шаг в формировании особой модели развития ДФО, образовав в своей структуре Министерство по развитию Дальнего Востока, ответственное за разработку и исполнение новой госпрограммы "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона". Минвостокразвития предстояло стать главным макрорегиональным ИР, обеспечивающим централизованное регулирование всех остальных дальневосточных институтов подобного типа с большей оперативностью и эффективностью, чем это можно было бы сделать из Москвы. Однако реализоваться в этой роли Минвостокразвития удалось не сразу. Весной 2013 г. его первый глава В. Ишаев добился от правительства одобрения

⁷ Некоторые из этих элементов появились еще в 1990-е гг.

варианта госпрограммы, который предусматривал резкий рост её бюджетного финансирования – до 3,8 трлн. руб. Таким образом, была предпринята ещё одна попытка возвращения к "сплошному", комплексному развитию РДВ, которая если не методами, то масштабами напоминала советские планы его освоения. И только драматические события второй половины 2013– начала 2014 гг. (наводнение в бассейне Амура, украинский кризис, присоединение Крыма и их последствия для экономики и госбюджета РФ), уже в апреле 2014 г. повлёкшие 11-кратное урезание "программы Ишаева", окончательно утвердили правительство на том "селективном" курсе, который впервые был намечен в 2011 г.

В основу принятой в апреле 2014 г. очередной версии госпрограммы была положена одобренная правительством 24 октября 2013 г. "новая модель" его развития [5, с. 20]. Новизна этой модели заключалась, прежде всего, в построении в макрорегионе единой системы ИР, способной привлечь необходимый для него значительный объём российского и иностранного частного капитала. Представление о сложности и специфичности этой системы ИР дают количественные параметры понадобившейся для её запуска правовой базы: к середине 2018 г. она включала в себя более 30 федеральных законов [3, с. 8].

Основные федеральные ИР, образовавшие данную систему, создавались в период с 2015 г. Территориальный фундамент системы сформировали территории опережающего развития (ТОРы), региональные инвестиционные проекты (РИПы) и Свободный порт Владивосток (СПВ). ТОРАм, как локальным зонам с особым, льготным режимом предпринимательской деятельности (к середине 2018 г. их число достигло 18), была отведена роль опорных точек новой экономики ДФО, полюсов его будущего роста. Подобными же точками, но за пределами ТОРов, должны были стать отдельные РИПы, осуществляемые на условиях государственной инфраструктурной поддержки (к середине 2018 г. их насчитывалось 16). Задачу связывания точек развития ДФО общим транспортно-логистическим каркасом и их подключения к международной среде АТР должен был решать СПВ, режим которого к середине 2018 г. охватывал уже 22 муниципалитета в прибрежной полосе макрорегиона [5; 8, с. 56–60].

Над низовым, территориальным, уровнем системы в 2015 г. был надстроен её второй уровень из регулирующих ИР, организованных по функциональному (отраслевому) принципу. В их число вошли: Корпорация развития Дальнего Востока, выполняющая функции управляющей компании для ТОРов и СПВ; Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке, занимающееся обеспечением ТОРов и СПВ трудовыми ресурсами; Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта, привлекающее в ТОРы и СПВ новых инвесторов и продвигающее дальневосточный экспорт на рынки АТР. К данному уровню можно отнести и созданный ранее ФРДВ, деятельность которого с этого времени была сфокусирована на кредитовании резидентов ТОРов и СПВ и инфраструктурной поддержке РИПов [3, с. 50–53; 5, с. 24–25].

Особое место в макрорегиональной системе ИР занял Восточный экономический форум, работа которого также стартовала в 2015 г. Этот периодически активируемый институт решает вопросы информационно-коммуникационного обеспечения функционирования системы ИР, её международного пиара, предпринимательского и потребительского брендинга РДВ, и в определённой мере создания вокруг последнего благоприятных политико-дипломатических условий.

Строительство дальневосточной системы ИР продолжилось и позднее. Так, в 2017 г. ФРДВ совместно с Роснано и Российской венчурной компанией учредили отраслевой Фонд развития и внедрения высоких технологий, целью которого стало увеличение доли в дальневосточной экономике предприятий "хайтека". В 2018 г. при участии ФРДВ был создан такой двусторонний международный институт как Российско-японская инвестиционная платформа, сосредоточенная на консультировании японских инвесторов в ДФО [3, с. 52–53].

На середину 2018 г. процесс формирования системы ИР в ДФО, по-видимому, все ещё нельзя считать завершённым. Тем не менее, основной состав

и несущая структура этой системы сложились уже в такой степени, которая позволяет судить об общем и особенном в них.

Нынешние состав и структура системы ИР в ДФО не имеют прямых аналогов ни за рубежом, ни в России. Вместе с тем, сами принципы устройства и функционирования этой системы, равно как и большинства входящих в неё отдельных институтов, оригинальными не являются. Как и российская система ИР в целом, её дальневосточная подсистема имеет вторичный, смешанный характер, причём в макрорегиональной подсистеме эта смешанность выражена ярче, прежде всего, за счёт более сильного влияния восточноазиатского прототипа.

В 1990-е и 2000-е гг. строительство ИР на РДВ велось в основном силами региональных администраций при участии дальневосточного бизнеса. Для этих институтов была свойственна ориентированность на проблемы внутреннего (в особенности, территориального) неравенства в макрорегионе. В условиях фактического самоустранения федеральной власти управлению ими была присуща высокая мера децентрализованности [14, с. 204–229]. Главным методом преференцирования дальневосточных ИР в это время являлись различные виды дерегулирования и либерализации экономической деятельности. В целом, если не касаться вопросов качества (в т.ч. качества нормативно-правовой базы и её исполнения) и эффективности, в данный период устройство и функционирование ИР на РДВ наиболее близко соответствовало концептуальным параметрам англосаксонской модели.

Интерес к дальневосточным ИР со стороны федеральной власти, появление ФРДВ и Минвостокразвития, поначалу не внесли в это положение вещей каких-либо существенных изменений. Лишь с 2015 г., в связи с началом целенаправленного конструирования Москвой единой окружной системы ИР и "закачиванием" в неё значительного объёма государственных средств, распределявшихся ранее по другим каналам, институциональная модель развития ДФО стала очевидно сдвигаться в направлении восточноазиатского образца. В 2015–2018 гг. доминирующая роль в политике развития ДФО перешла к федеральным ИР, созданным "сверху", для которых были характерны преимущественная ориентация на преодоление внешнего неравенства (достижение международной конкурентоспособности) и высоко централизованный порядок управления. В методах преференцирования ИР в этот период меры дерегулирования и либерализации стали уступать место различным инструментам финансовой и нефинансовой помощи государства бизнесу.

Помимо отчасти стихийной, а отчасти вполне сознательной рецепции специфических черт восточноазиатской модели ИР, являющейся, безусловно, наиболее заметным трендом последних лет, вниманием заслуживает и другая, менее явная, тенденция. Она состоит в том, что на ряде направлений развития ДФО⁸ роль государства, т.е. роль политических решений и следующих за ними государственных вложений, возрастает настолько, что это практически полностью нивелирует их рыночную регуляцию. В этом отношении симптоматично принятое в 2015 г. решение о снятии существовавшего ранее ограничения, согласно которому средства ФРДВ могли инвестироваться только в проекты, обладающие рыночной доходностью и не предполагающие участия госкомпаний [7, с. 12]. По существу, речь идёт об отходе от важнейшего принципа первичности рыночной среды, значимого не только для англосаксонской, но и для восточноазиатской модели ИР. Иными словами, частью своих элементов (институтов, проектов) дальневосточная система ИРна сегодня оказывается ближе к "чистому плану", чем это предписывается восточноазиатской моделью. Появление этой тенденции (которую условно можно назвать "советской") свидетельствует о том, что отмеченному выше смешанному характеру системы ИР в ДФО, присуща особая, повышенная, сложность, которая имеет под собой объективные причины.

Особенности и перспективы институтов развития на РДВ.

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что система институтов, принявшая на себя в 2015–2018 гг. ведущую роль в управлении развитием

⁸ Самые показательные из них – это проекты модернизации БАМа и Севморпути.

Таблица 1. Поясная дифференциация дальневосточных институтов развития

Социально-экономические пояса ДФО	Особенности политики развития и характеристик ИР
<i>Постиндустриальный пояс</i> (Южное Приморье и отдельные районы приграничной полосы) – наиболее заселённые и освоенные территории дореволюционной колонизации с комплексной, многоотраслевой экономикой и плотной рыночной средой.	Минимальное (косвенное) вмешательство государства в развитие, связанное с коррекцией избытка рынка (его негативной динамики, в особенности трансграничной). Создаваемые "снизу", ориентированные во вне (на международную конкуренцию), децентрализованно управляемые ИР с режимами, основанными преимущественно на дерегулировании.
<i>Индустриальный пояс</i> (большая часть Юга ДФО и некоторые районы дальневосточного Севера) – территории советского освоения с экономикой, организованной вокруг предприятий обрабатывающей промышленности, и разреженной рыночной средой.	Активное вмешательство государства в развитие, связанное с компенсацией недостатка рынка. Создаваемые "сверху", ориентированные на внешнее и внутреннее неравенство, централизованно управляемые ИР с режимами, сочетающими дерегулирование и меры государственной помощи и защиты.
<i>Доиндустриальный пояс</i> (периферийные районы Юга ДФО и большая часть его Севера) – территории позднего, постсоветского освоения с экономикой, основанной на отдельных предприятиях добывающих отраслей, и минимальной рыночной активностью ("рыночный вакуум").	Замещение отсутствующих рыночных механизмов развития государственным планированием и финансированием с постепенным привлечением частного капитала и маркетингом. Создаваемые "сверху", ориентированные на внутреннее неравенство (решение социальных проблем), централизованно управляемые ИР с патерналистскими режимами.

Источник: составлено автором.

ДФО, в целом действительно соответствует современной трактовке государственной политики развития, суть которой заключается в идее селективности. Дальневосточные ИР являются инструментами селективного управления, поскольку обеспечивают избирательное (неравное) регулирующее воздействие на неравные по уровню своего развития компоненты социально-экономической системы макрорегиона.

Вместе с тем, ключевая особенность системы дальневосточных ИР состоит в том, что в её функционировании принцип селективности фактически приобретает более сложный смысл, нежели тот, что обычно вкладывается в него в англосаксонских и восточноазиатских концепциях⁹. Управленческая селекция, осуществляемая сегодня в ДФО, выделяет в нем не только точечные (поселения, муниципальные районы, предприятия и их кластеры) и линейные (отраслевые цепочки и транспортные коридоры) объекты. Параллельно с этим происходит постепенная селекция и более крупных – площадных – объектов. Она исходит из осознания внутренней гетерогенности социально-экономического пространства ДФО, наличия в нем ряда неравных по уровню развития субмакрорегиональных зон (поясов).

Такого рода поясность РДВ не являлась тайной уже для советских экономико-географов и управленцев. Исследователи макрорегиона неоднократно указывали на её существование и в постсоветский период [11, с. 96–100; 21, с. 503–518]. Однако в современной дальневосточной политике развития этот подход пробивает себе дорогу очень медленно. Сложный социально-экономический "рельеф" ДФО проступает сквозь создаваемую в нем систему ИР исподволь, в процессе её вынужденной подгонки к объективным условиям макрорегиона. Упомянутая смешанность дальневосточной системы ИР, последовательное и одновременное присутствие в ней англосаксонских, восточноази-

⁹ Следует подчеркнуть, что и те, и другие основаны на представлении о стадийной гомогенности социально-экономического пространства.

атских и советских черт¹⁰ и является своеобразным стихийным отражением глубокой внутренней неоднородности ДФО.

Поясная дифференциация, судя по всему, станет долговременной тенденцией эволюции дальневосточной системы ИР. Вместе с тем, управленческая эффективность этой дифференциации будет зависеть от чёткости её концептуального описания, от того, насколько точно и обоснованно социально-экономические пояса макрорегиона будут соотнесены с модельными, типологическими характеристиками применяемых в нем ИР. Предельно упрощённо возможная поясная дифференциация дальневосточных ИР описана в *табл. 1*.

Социально-экономическая поясность ДФО и типологическая разнородность необходимых для него ИР ставят острую проблему достижения системной целостности макрорегиона и согласованности (или, хотя бы, взаимной непротиворечивости) развития его частей. Решить эту проблему также способно только государство, посредством базирующейся на поясном, институционально-географическом, подходе общей стратегии макрорегионального развития. При этом решение данной проблемы предполагает вовсе не приведение поясов ДФО к одному уровню развития. Речь идёт скорее об обеспечении общественной взаимовыгодности их неравенств, их взаимной сбалансированности по ключевым экономическим и социальным параметрам¹¹. Основным механизмом балансировки неравенств поясов должно быть их корректное включение в общемакрорегиональные производственные циклы, межпоясные отраслевые цепочки создания стоимости, работа которых позволит ДФО взаимодействовать с международной средой в качестве единой системы.

Поскольку и без того весьма ограниченные финансовые ресурсы федерального центра в условиях кризиса и последующих санкций ещё более оскудели, именно трансграничное взаимодействие с этой средой объективно становится сегодня главной движущей силой развития ДФО. В связи с этим очень важно, чтобы полюса роста разных его поясов вступали в это взаимодействие не порознь, но в результате стадийно и технологически последовательного включения в сквозной общедальневосточный цикл. При этом точки "выхода" ДФО в среду АТР должны быть сосредоточены в наиболее высокотехнологичной и высокостоймостной части его пространства – в постиндустриальном поясе, откуда эффекты развития по производственным цепочкам могут транслироваться в другие части макрорегиона. В противном случае разнонаправленное развитие поясов и полюсов ДФО приведёт к их втягиванию в инациональные циклы, к разрывам социально-экономического пространства макрорегиона, блокированию его системной интеграции и потере шанса на обретение в будущем внутренних источников динамики.

Данная работа не претендует на построение какой-либо обобщающей концепции, раскрывающей существенные свойства дальневосточной системы ИР. Цель автора состояла скорее в том, чтобы обратить внимание исследователей на некоторые общие и специфические черты этой системы, заслуживающие дальнейшего изучения. Вкратце их можно выразить в виде нескольких тезисов:

Формирование системы ИР на РДВ, несмотря на его особые (кризисные) обстоятельства, – это закономерный процесс, соответствующий общему тренду эволюции государства в капиталистическом обществе;

Современные ИР являются специфической (селективной) технологией управления социально-экономическим развитием, возникающей на позднем этапе истории капитализма как компромисс между рыночными и плановыми управленческими механизмами и результат их гибридизации;

Дальневосточная система ИР имеет вторичную и смешанную природу, однако наличие в ней "англосаксонских", "восточноазиатских" и "советских" черт является следствием не только эклектичности процессов заимствования

¹⁰ Они воплощают не столько национальные и региональные, сколько стадийные различия.

¹¹ Примером может быть обеспечение наиболее высокого уровня жизни населению наименее развитого и наименее благоприятного по объективным условиям доиндустриального пояса ДФО.

и комбинирования, но и объективной стадийной гетерогенности пространства РДВ;

Система ИР задаёт на длительную перспективу новый способ государственного управления РДВ, эффективность которого будет определяться мерой адаптации этой системы к двум условиям развития макрорегиона – качественной гетерогенности его социально-экономического пространства и высокой зависимости от объёмов и характера трансграничной взаимодействия со странами АТР.

Проверка и обсуждение этих тезисов, на мой взгляд, могут способствовать прояснению и практическому разрешению многих актуальных социально-экономических и управленческих проблем РДВ.

Литература

1. Андреев В.А. Администрирование территорий с особым экономическим режимом. Владивосток: ВГУЭС, 2018. 116 с.
2. Волков С., Доронкин М., Горбунов А., Зайко А. Российские институты развития: региональный аспект. М.: Эксперт РА, 2010. 32 с.
3. Восточный экономический форум. 2018. Журнал-каталог Фонда Росконгресс. СПб.: Девиз, 2018.
4. Государственно-территориальное устройство России: реформирование регионального уровня. Под ред. В.И. Гришина, В.В. Кистанова. М.: Финансы и статистика, 2007. 288 с.
5. Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. Государственный совет РФ. 2017 [Электронный ресурс] // Минвостокразвития. URL: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razviti-dalnego-vostoka.pdf> (дата обращения: 13.09.2018)
6. Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4. С. 27–44.
7. Институты развития как инструмент региональной политики. Научный доклад под рук. А.В. Виленского. М.: ИЭ РАН, 2015. 45 с.
8. Инфраструктура и рынки. Дальний Восток. Аналитический обзор. М.: InfraONE, 2018. [Электронный ресурс] // InfraONE. URL: https://infraone.ru/analitika/Infrastruktura_i_rynky_Dalny_Vostok_InfraONE_Research.pdf (дата обращения: 15.09.2018)
9. Козлов Л.Е. Региональная политика России на Дальнем Востоке: 2007 – 2014 // Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма. Владивосток: ДВФУ; Дальнаука, 2014. С. 186–204.
10. Лёвшкина А.О. Методологические аспекты исследования институтов развития на Дальнем Востоке России // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 41–56.
11. Меламед И.И., Дягилев А.А., Авдеев М.А. Основные подходы к развитию Дальнего Востока и Прибайкалья. М.: Современная экономика и право, 2010. 176 с.
12. Минакир П.А. Системные трансформации в экономике. Владивосток: Дальнаука, 2001. 536 с.
13. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
14. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX - начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с.
15. Оценка эффективности деятельности российских и зарубежных институтов развития / Под ред. И.Н. Рыковой. Научный доклад. М.: НИФИ, 2016. 204 с.
16. Портер М., Кетелс К., Дельгадо М., Брайден Р. Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики [Электронный ресурс] // Spved.narod.ru. URL: http://sp-ved.narod.ru/MATERS/PORTER_RFstrategy.pdf (дата обращения: 15.09.2018)
17. Свободные экономические зоны и территории опережающего развития: опыт Китая и России / ГоШихун, Б.Н. Паньшин, А.Е. Зубарев, С.Н. Иванченко, И.А. Калашникова, В.Ф. Коуров. Хабаровск: ТОГУ, 2015. 184 с.
18. Севастьянов С.В. Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии: вклад в развитие регионализации и региональной идентичности. Владивосток: ВГУЭС, 2009. 212 с.
19. Семинар "Институты развития на российском Дальнем Востоке" (Иванов С.А., Левушкина А.О., Барбенко Я.А., Губин А.В., Козлов Л.Е., Кондратенко Г.В., Лукин А.Л., Рыжова Н.П.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 4. С. 65–74.
20. Спиридонова Н.В. Теоретический анализ экономических систем. СПб.: Питер, 2013. 240 с.

21. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.
22. Хонгел Хан. Развитие Дальнего Востока России в условиях новой экономической ситуации в мире // ЭКО. 2017. № 3. С. 5–20.
23. Johnson C. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925 – 1975. Stanford: StanfordUniversityPress, 1982.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Andreev V.A. Administrirovanie territorij s osobym ehkonomicheskim rezhimom. Vladivostok: VGUEHS, 2018. 116 s.
2. Volkov S., Doronkin M., Gorbunov A., Zajko A. Rossijskie instituty razvitiya: regional'nyj aspekt. M.: EHkspert PA, 2010. 32 s.
3. Vostochnyj ehkonomicheskij forum. 2018. ZHurnal-katalog Fonda Roskongress. SPb.: Deviz, 2018.
4. Gosudarstvenno-territorial'noe ustrojstvo Rossii: reformirovanie regional'nogo urovnya. Pod red. V.I. Grishina, V.V. Kistanova. M.: Finansy i statistika, 2007. 288 s.
5. Doklad o kompleksnom razvitii regionov Dal'nego Vostoka. Gosudarstvennyj sovet RF. 2017 [EHlektronnyj resurs] // Minvostokrazvitiya. URL: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razvitii-dalnego-vostoka.pdf> (data obrashheniya: 13.09.2018)
6. Izotov D.A. Dal'nij Vostok: novatsii v gosudarstvennoj politike // EHKO. 2017. № 4. S. 27–44.
7. Instituty razvitiya kak instrument regional'noj politiki. Nauchnyj doklad pod ruk. A.V. Vilenskogo. M.: IEH RAN, 2015. 45 s.
8. Infrastruktura i rynki. Dal'nij Vostok. Analiticheskij obzor. M.: InfraONE, 2018. [EHlektronnyj resurs] // InfraONE. URL: https://infraone.ru/analitika/Infrastruktura_i_rynky_Dalny_Vostok_InfraONE_Research.pdf (data obrashheniya: 15.09.2018)
9. Kozlov L.E. Regional'naya politika Rossii na Dal'nem Vostoke: 2007 – 2014 // Konkuriyushhie modeli i sovremennye tendentsii vostochnoaziatskogo i aziatsko-tikhookeanskogo regionalizma. Vladivostok: DVFU; Dal'nauka, 2014. С. 186–204.
10. Lyovushkina A.O. Metodologicheskie aspekty issledovaniya institutov razvitiya na Dal'nem Vostoke Rossii // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2018. № 2. S. 41–56.
11. Melamed I.I., Dyagilev A.A., Avdeev M.A. Osnovnye podkhody k razvitiyu Dal'nego Vostoka i Pribajkal'ya. M.: Sovremennaya ehkonomika i pravo, 2010. 176 s.
12. Minakir P.A. Sistemnye transformatsii v ehkonomike. Vladivostok: Dal'nauka, 2001. 536 s.
13. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. Ocherki po prostranstvennoj ehkonomike. Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2014. 272 s.
14. Moiseeva L.A., Vashhuk A.S. Istoriya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse XX - nachale XXI v. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 348 s.
15. Otsenka ehfektivnosti deyatel'nosti rossijskikh i zarubezhnykh institutov razvitiya / Pod red. I.N. Rykovej. Nauchnyj doklad. M.: NIFI, 2016. 204 s.
16. Porter M., Ketels K., Del'gado M., Brajden R. Konkurentosposobnost' na rasput'e: napravleniya razvitiya rossijskoj ehkonomiki [EHlektronnyj resurs] // Sp-ved.narod.ru. URL: http://sp-ved.narod.ru/MATERS/PORTER_RFstrategy.pdf (data obrashheniya: 15.09.2018)
17. Svobodnye ehkonomicheskie zony i territorii operezhayushhego razvitiya: opyt Kitaya i Rossii / GoSHikhun, B.N. Pan'shin, A.E. Zubarev, S.N. Ivanchenko, I.A. Kalashnikova, V.F. Kourov. Khabarovsk: TOGU, 2015. 184 s.
18. Sevast'yanov S.V. Nepravitel'stvennye uchastniki sotrudnichestva Vostochnoj Azii: vklad v razvitie regionalizatsii i regional'noj identichnosti. Vladivostok: VGUEHS, 2009. 212 s.
19. Seminar "Instituty razvitiya na rossijskom Dal'nem Vostoke" (Ivanov S.A., Levushkina A.O., Barbenko YA.A., Gubin A.V., Kozlov L.E., Kondratenko G.V., Lukin A.L., Ryzhova N.P.) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2015. № 4. S. 65–74.
20. Spiridonova N.V. Teoreticheskij analiz ehkonomicheskikh sistem. SPb.: Piter, 2013. 240 s.
21. Tikhookeanskaya Rossiya – 2030: stsenarnoe prognozirovaniye regional'nogo razvitiya / pod red. P.A. Minakira. Khabarovsk: DVO RAN, 2010. 560 с.
22. KHongel KHan. Razvitie Dal'nego Vostoka Rossii v usloviyakh novoj ehkonomicheskoy situatsii v mire // EHKO. 2017. № 3. S. 5–20.
23. Johnson C. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925 – 1975. Stanford: StanfordUniversityPress, 1982.

Киреев А.А. Система институтов развития в ДФО: концепции, реализация, перспективы

Работа посвящена изучению созданной в ДФО системы институтов развития (ИР) как новой формы государственной политики развития макрорегиона. Рассматриваются вопросы генезиса концептуальных основ и практического воплощения дальневосточной системы ИР, её типологических особенностей и перспектив эволюции в специфических условиях ДФО. Анализ дальневосточных ИР ведётся в сравнительном контексте, на основе предлагаемой периодизации истории капиталистических обществ и выделяемых автором основных моделей ИР.

Ключевые слова: *институты развития, система институтов развития в ДФО, политика развития, гетерогенность пространства*

Kireev A.A. The system of development institutions in the FEFD: concepts, implementation, and prospects

The article is focused on the system of development institutions (DI) created in the FEFD as a new form of state policy for the macroregion development. The issues of genesis of the conceptual foundations and practical implementation of the Far Eastern system of DI, its typological features and the prospects for evolution in specific conditions of the FEFD are considered. The analysis of the Far Eastern DI is conducted in a comparative context, based on the proposed periodization of history of capitalist societies and the main models of DI identified by the author.

Key words: *development institutions, system of development institutions in the Far Eastern Federal District, development policy, space heterogeneity*

Для цитирования: Киреев А.А. Система институтов развития в ДФО: концепции, реализация, перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 85–95. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/85-95

For citation: Kireev A.A. The system of development institutions in the FEFD: concepts, implementation, and prospects // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 85–95. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/85-95

